

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ДО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1989
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1991

8. Архив внешней политики России. Японский стол. Дело 1791, л.32.
9. И.Всеволодов, А.Никифоров. Настоящая радуга. М., 1973.

И.Л.Иноземцев

О НЕКОТОРЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ ХУШКАЛ-ХАНА ХАТТАКА И СПОСОБАХ ИХ ИЗЛОЖЕНИЯ В "ДАСТАР-НАМА"

"Дастар-нама" - одно из первых дошедших до нас сочинений светского содержания на языке пашто. С одной стороны, определение содержания словом "светское" предполагает отсутствие религиозной специфики сочинения. Известные нам факты биографии автора также говорят о том, что он не был представителем какой-либо философской школы и не являл собой лицо духовное. Даже напротив, на лице его отражались радости жизни реальной, не лишенной княжеских утех, увеселений и пирушек,¹ хотя и омрачалось оно иногда суровостью походно-полевой жизни. Кроме того, в юности он получил хорошее образование и был человеком широких взглядов, обладал незаурядным поэтическим дарованием и оставил немалое рукописное наследие.

С другой стороны, в книге этико-дидактического содержания, каковой является "Дастар-нама", не могла не отразиться этика и философия ислама, определявшего весь жизненный уклад пуштунских племен середины ХУП века. Элементы этой этики и философии и являются предметом данного сообщения; при этом они не представляют собой какой-либо определенной системы взглядов - в цельном и оформленном виде мы не найдем их в рукописном наследии Хаттака. То, что он увлекался суфизмом, хотя суфием так и не стал, отразилось в основном в его поэтическом творчестве. Мы же ограничимся нравоучительной и жизненной философией Хушкала, его этикой, а точнее - фрагментами этой этики в виде отдельных мыслей, которыми насыщены главы "Книги о чалме". Рассуждения эти, разбросанные по всему тексту памятника, появляются в самых разнообразных местах, зачастую дополняя повествование или прерывая его совершенно неожиданными умозаключениями, а то и целыми экскурсами в отдаленные сферы человеческого познания, при этом логика мыслительных процессов автора не поддается никакому рациональному анализу. Тем более трудно это сделать с позиций европейской логики нашего века, не отягощенной космологическими ассоциациями и глобальными обобщениями, свойственными средневековью в описании простых понятий.

Поскольку исследований, посвященных разбору философских и

этических категорий в творчестве Хаттака я не обнаружил, но при этом почти все исследователи литературного наследия Хушхала называют его философом, я вынужден ограничиться только собственным анализом этико-философской стороны его творчества.

Если судить по названиям глав памятника, то четверть названий первой части, описывающей т.н. "хунары" (талант, искусство, мастерство, умение), и почти целиком вторая часть, посвященная т.н. "хаслатам" (человеческие качества и свойства), представляют собой последовательное перечисление, лишенное, к сожалению, какой-либо системы, пороков и добродетелей человеческих, "философски" разделенных Хаттаком на "хорошие" и "нехорошие". Иногда Хушхал проводит более тонкую классификацию в рамках какой-либо добродетели или порока (например, "гордость", "стыд", "глупость (или невежество)" делятся на степени и ранги), но при этом он не пытается самостоятельно провести градацию в соответствии с морально-правовой пятиступенной системой оценки поступков, принятой в исламе, хотя вспоминает о ней, если может применить ее положения с твердой уверенностью.²

Избранный Хаттаком жанр "зеркала" не очень подходит для глубоких философских размышлений (автор и не претендует на это), но весьма хорош для поучений и удобен для изложения этико-философских мыслей, а также собственных познаний Хушхала по любому вопросу. Каждую из своих мыслей он подкрепляет назидательными историями. Временами обязательная в обосновании важнейших этических постулатов ссылка на деяния исторического авторитета (Пророка Мухаммада, Платона, Хосрова Ануширвана) кажется ему недостаточно убедительной и тогда со свойственным ему размахом фантазии он приходит к глобальным обобщениям, из которых дедуцирует порой совершенно неожиданные выводы, например: "... чалма - это нечто такое, что олицетворяет собой величие Религии Мира (ислама - И.И.), и тот, кто ее носит, понимает ее истинное значение и знаком с правилами ношения чалмы. Тем самым он обретает достоинства и таланты. Если это не так, а чалма - уже на голове, да еще и сидит кокетливо, такую чалму и чалмой-то не назовешь³, просто белый турбан какой-то, круглый год с отпущенным шамла³ или "рассекающий ветер", - повязывающий такую чалму подобен женщине или недорослю. мужчиной его не назовешь".⁴

Большую часть философских рассуждений Хаттака можно было бы уложить в следующую схему:

1. Посылка (или тезис);
2. Разъяснение, плавно переходящее в вывод;

3. Соответствующий пример из исторической или (чаще) личной практики;
4. Окончательный вывод на более высоком уровне обобщения (которое зачастую теряет логическую связь с первоначальным тезисом).

Например, Хушхал рассматривает страх не как субъективное эмоциональное состояние, присущее человеку эпизодически или постоянно, а как некое объективное ощущение, внушаемое обстоятельствами или другим человеком. В тринадцатой главе второй части "Страх и надежда (на спасение)" постулатом Хаттака является утверждение, что правитель должен внушать страх. Развивая свое утверждение мыслью о том, что подданные должны бояться своего правителя постоянно, в качестве примера Хушхал приводит притчу об Ануширване, повар которого нечаянно пролил из миски еду на роскошные одежды царя, а потом, испугавшись наказания, пролил еду из миски второй раз, уже на царственную голову. Расчет его был верен: если за малый грех его бы казнили, то за большой он был прощен. Окончательный вывод Хаттака, несмотря на первоначальный постулат о необходимости внушать страх приближенным, сводится к высокой оценке моральных качеств Ануширвана Справедливого.

Кроме того, отдельные философские постулаты используются автором в процессе изложения априорного материала, начиная с первой главы "Познание самого себя". Здесь Хаттак извлекает из своего интеллектуального багажа архаичное утверждение, что "самопознание бывает 2-х видов: внутреннее и внешнее (батин ау захир). Эта мысль не нова в жанре "зеркала", ее можно обнаружить уже среди отеческих увещаний Кей Кавуса (XI век),⁵ но, в отличие от последнего, приступающего по окончании констатации сего факта к изложению практических рекомендаций по пользованию инструментом познания и органами чувств ("изучи речь хорошенько и поискуснее, имей привычку всегда быть красноречивым..." и т.д.), Хаттак философски развивает эту мысль: "... но все виды познания есть познание Бога, и далее подкрепляет эту мысль соответствующим байтом:

"Если познаешь себя, то познаешь и Бога,

Пока себя не познаешь, Бога тебе не познать".

Здесь логика философской мысли Хаттака, напоминая о его прежнем увлечении суфизмом прерывается научно-популярным изложением материальных и духовных процессов, сопровождающих человеческую жизнь в этом мире (в своеобразном понимании Хушхала): "Во имя продолжения рода человеческого между мужчиной и женщиной существует любовь". Далее следует описание анатомического строения человека,

физиологии, механизма зачатия и пр.

Теория познания по-Хаттаку не слишком сложна. В соответствии с мусульманской традицией он разделяет все науки на тайные и явные, как об этом уже говорилось. Науки явные постигаются постепенно, "при помощи накопления изученного, увиденного или прочитанного. По завершении процесса познания явных наук совершается качественный переход к новому этапу познания - началу изучения наук тайных, что и происходит при помощи "очищения, проповеди, внушения, наставления". Цель познания у Хушхала определяется категорией "счастье", главным исходным условием для овладения науками он называет наличие врожденных способностей: "Дерева и палок много, но хорошую стрелу можно сделать только из серебристого тополя".

Далее логика повествования, напоминающего урок природоведения, приводит автора к первому (в данной главе), и, видимо авторскому выводу об относительности всего сущего в бренном мире, а также о первичности бытия (в данном случае - здоровья): "Если у тебя в руках находится казна всего мира, и появляется некто, предлагающий тебе средство, которое может излечить твой больной глаз, и за лечение этого глаза тебе нужно отдать казну всего мира, - ты ее отдашь. Казна всего мира будет ценой твоего здорового глаза".⁶ На этом философия обрывается и описанием строения глаза возобновляется урок анатомии.

Приведенный выше пример показывает, что Хушхал не очень стремился к углубленным философским размышлениям, но иногда он обращался к мусульманским этико-философским положениям и системам. Подобного рода положения встречаются эпизодически во второй части "Дастар-нама", посвященной "хаслатам", например: "Созданий Истинно Всевышнего много, и о всех я расскажу. Несомненно, что среди таких творений Всевышнего, как небо, земля, море, ангелы и пр., Человек - самый благородный и самый великий... Все люди делятся на мужчин и женщин, и мужчины, несомненно, лучше... Брак является основой благоустроенного общества, поскольку мир зиждется на продолжении рода человеческого...".⁷ Утверждения эти не новы и типичны не только для "Дастар-нама", но и для любого памятника литературы, написанного в духе "домостроя".

Значительно больший интерес, на мой взгляд, представляют отдельные образцы теософской этики Хушхала, в которых соединились философия и этика ислама, традиции пуштунов и логика Хаттака. К подобным образцам можно отнести, например, понятие "шарм"⁸ - стыд или совестливость. В разумении Хаттака "шарм" - это весьма "ёмкое" понятие:

"Если нет совестливости в мире – то нет и веры. Совестьливость – это оболочка веры, если нет оболочки, то нет и того, что внутри. Щедрость, благородство, великодушие, благочестие, вера – все это связано со стыдом, если стыда нет – то нет и всего этого. От стыда не убежать, можно только убить себя".⁹ Совестьливость, или стыд, согласно автору, "существуют в нескольких видах:

- совестливость перед Богом;
- совестливость перед ангелами;
- совестливость перед людьми".¹⁰

Совестьливость перед Богом, по Хаттаку, состоит в том, что все, что человек ни делает, он должен делать с оглядкой на Бога и постоянно бояться божественного наказания, а "Господь все видит и всякого видит: и в полной темноте, и что под землей творится – ничто и никто от Его ока не ускользнет".¹¹ "Совестьливость перед ангелами" состоит в том, что за всеми человеческими деяниями и поступками наблюдают ангелы, сидящие на плечах у человека, "чтобы Шайтан не заставил человека совершать поступки, противоречащие Шариату": например, "мужчины и женщины не должны обнажаться в присутствии друг друга, особенно во время авдаса".¹² В понятие совестливости перед людьми Хушхал включает соблюдение следующих правил: "человек должен быть пронизательным, хорошо знать свое дело, быть предупредительным по отношению к другим, не быть мстительным, почитать предков и учителей, соблюдать адаб,¹³ быть послушным, не нарушать приказов и не быть бесчестным".¹⁴

Из приведенного текста видно, как некоторая сумбурность философской систематизации этических категорий сочетается у автора со своеобразной логикой понимания воспитательного процесса.

К подобным теоретическим разработкам можно также отнести понятие "гайрат" – гордость. Согласно Хаттаку, это замечательное качество существует в следующих проявлениях:

- гордость в вере (пә дйн пә мазхаб);
- гордость правителя в своей стране;
- гордость в своем доме.

Первую из вышеупомянутых категорий Хушхал составляет из уважительного отношения к исламу: "Даже если обнаружишь в религии какие-либо несоответствия, постарайся сделать вид, что не замечаешь этого".¹⁵

Вторая категория – "гордость в государстве", по Хаттаку, имеет два подвида – "от ума" и "от невежества". "Та, что от невежества, возрастает по мере увеличения количества пустых мыслей, клеветы и наветов, и получается не гордость, а глупость".¹⁶ Ту гордость,

которая "от ума", Хаттак не объясняет, очевидно, полагая, что это ясно само собой и в уточнениях не нуждается.

Последняя из трех упомянутых категорий регулирует меру чувства, возникающего по отношению к своей собственности – дому и семье.

Склонность автора к схематизму и упрощениям можно обнаружить везде, где Хаттак стремится передать свои многочисленные познания минимальным количеством назиданий, что он и делает, применяя простейшую классификацию и не считая нужным давать даже элементарных логических обоснований, например: "Необходимо быть одинаково осторожным по отношению и к врагам, и к друзьям". Избавив нас от пространных комментариев к данной сентенции, Хаттак, однако, считает нужным классифицировать врагов и друзей, разделив их на категории и виды.¹⁷

Пристрастия Хаттака в его систематизациях порой не поддаются объяснению. Например, разделив "недостойных чалмы" на глупцов в неведж, он не систематизирует дураков, но неведж и заблуждающихся смело группирует по трем категориям.¹⁸

Примеры, приведенные выше, показывают, что этико-философские положения, извлекаемые Хаттаком из древних трудов и традиций его времени и перерабатываемые им для упрощения их восприятия молодыми пуштунами, излагаются в виде тезисов, расположенных в порядке, свойственном логике Хушчала. (Например, "терпением и мягкостью исправляют скверные дела, а гневом – портят хорошие. Доброты никому не следует стесняться и в ней рассказываться").¹⁹

Разбор этико-философских сторон назидательной книги Хаттака показывает, что хотя большинство афганских исследователей его творчества считают Хаттака "философом и мыслителем", с определением его как философа согласиться довольно трудно по причине отсутствия у него собственных философских идей и принимая во внимание уровень его философских абстракций, но большинство излагаемых им этических и этико-философских положений вызывают несомненный интерес.

-
1. Моргенштерне сообщает по этому поводу: "Вино, которое он пил, было не только вином мистического экстаза, временами он не был чужд вина из Португалии и других крепких напитков". Моргенштерне М, Хушчал-хан – национальный поэт афганцев, [б/м], 1945, с.53.
  2. Здесь имеется ввиду морально-правовая система оценки поступков, принятая в исламе: ваджиб (или фарз) – обязательное; манзуб – рекомендуемое; мубах – дозволенное, но не вознаграждаемое Аллахом; макрух – нерекондуемое, но и не запрещенное; махзур

- (или харам) – запрещенное. Хаттак первые 4 ступени называет так: фарз, ваджиб, суннат, мустахаб.
3. Шамла – свободно свисающий конец чалмы.
  4. Хушхал-хан Хаттак, "Дастар-нама", Кабул, 1345/1966, с. 3.
  5. В "Кабус-намэ" цитируется классическая для исламской науки градация органов восприятия мышления и речи: I. Явные: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. 2. Скрытые: Речь, мышление, память, воображение и различение. "Кабус-намэ", 2-е изд., пер. и прим. Е.Э.Бертельса, М., 1958, с. 65.
  6. Дастар-нама, с. II.
  7. Там же, с. 54.
  8. "Шарм" сейчас стал у пуштунов понятием, применяющимся для обозначения действий или поступков, совершение которых влечет за собой различные степени общественного одобрения или порицания, а в отдельных случаях – и наказания.
  9. Дастар-нама, с. 96.
  10. Там же, с. 97.
  11. Там же, с. 97.
  12. Там же, с. 97; авдас – ритуальное омовение перед молитвой.
  13. Адаб – в данном контексте соответствует понятию "правила этикета", с акцентом на значениях "вежливость" или "хороший тон".
  14. Дастар-нама, с. 98.
  15. Там же, с. 123.
  16. Там же, с. 123.
  17. Там же, с. 125.
  18. Там же, с. 131.
  19. Там же, с. 122.

К.Б.Кепинг

ПОПЫТКА ДЕШИФРОВКИ ТАНГУТСКИХ СТЕПЕНЕЙ ТРАУРА

Ввод в научный оборот любого нового тангутского текста – событие в тангутоведении: обогащаются и уточняются сведения по грамматике и лексике тангутского языка и исследователь в овладении этим мертвым языком поднимается на качественно новую ступень.

Предпринятая Е.И.Кычановым публикация кодекса (свода законов) тангутского государства (из запланированных четырех книг к июню 1989 г. опубликовано уже три)¹ – событие чрезвычайного значения, поскольку, помимо обычных сведений, извлекаемых из текстов, мы получаем оригинальный материал, касающийся всех сторон жизни тан-